

УДК 81'37
ББК 81.032

*Юлия Сергеевна Гашинова,
аспирант,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а)
e-mail: us_gashinova@mail.ru*

Лексические средства со значением пространственного предела как объект лингвистического исследования

В статье предпринята попытка проанализировать степень изученности и научной разработанности проблемы языковой объективации «пространственного предела» в отечественном языкознании. Исследование на разных уровнях языковой системы репрезентаций знаний, с помощью которых человеческое сознание формирует представления об окружающей действительности, является актуальным направлением современной лингвистики. К числу таких знаний относится «пространственный предел» – особый ментальный конструкт, с помощью которого человеческое сознание членит окружающий мир на отдельные фрагменты, наделяет их семантикой, соотносит друг с другом, а значит, подвергает категоризации.

В статье представлен обзор работ российских лингвистов, в которых представлены факты языка, отражающие комплекс представлений, связанных с восприятием данной категории. Рассмотренные работы позволили определить основные направления, идеи и понятия в исследовании данного концепта, определить перспективы дальнейшего исследования.

Рассмотренный научный потенциал позволил сделать вывод о том, что, несмотря на достижения современных ученых-когнитологов в области исследования пространства, проблема «пространственного предела» остается недостаточно изученной. Несмотря на некоторую общность концепций и методов исследования, отсутствует определенная модель для изучения подобных категорий. В изучении «пространственного предела» наблюдается отсутствие фундаментальных исследований, что обуславливает противоречия в формировании основных особенностей данной категории. Однако именно такое положение в когнитивной лингвистике способствует развитию новых идей и направлений исследования данной категории.

Сведения, представленные в настоящей статье, могут быть использованы лингвистами, интересующимися проблемами репрезентации представлений об окружающем пространстве носителем определенного языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, когнитивная лингвистика, семантика, концепт, языковая объективация (репрезентация), пространственный предел, лексико-семантическое поле.

*Yuliya Sergeevna Gashinova,
Postgraduate Student,
Buryat State University
(24a, Smolin St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000)
e-mail: us_gashinova@mail.ru*

Lexical Means with Spatial Limit Meaning as an Object of Linguistic Research

The article attempts to analyze the level of knowledge and historiography of the linguistic objectification problem of “spatial limit” in the Russian linguists’ works. Research at different linguistic system levels of knowledge representations which human consciousness forms representation about the reality with is considered as an important branch of modern linguistics. Such knowledge includes “spatial limit” - a special mental construct where the human mind divides the world into separate pieces, gives semantics, correlates with each other, and thus, exposes to categorization. The article presents an overview of works by Russian linguists where the facts of language, reflecting the complex ideas associated with the perception of a given category are given. The overviewed works allowed to determine the main directions, ideas and concepts in the study of this concept and to determine the prospects for further research.

The reviewed works allowed concluding that in spite of the achievements of modern cognitive scholars in the field of space researches, the problem of “spatial limits” still remains insufficiently studied. In spite of some common concepts and methods of research, there is no concrete specific model for the study of these categories. In the study of “spatial limit», there is lack of fundamental researches, which leads to contradictions in the formation of the main features of this category. However, this position in cognitive linguistics enables the development of new ideas and research directions in this category. The information presented in this article can be used by linguists interested in the problems of representation of ideas about the space by a native speaker.

Keywords: linguistic picture of the world, cognitive linguistics, semantics, concept, language representation, spatial limit, lexical-semantic field.

В современной лингвистике наблюдается тенденция к изучению репрезентации знаний, отражающих восприятие действительности в сознании определённого этноса на разных уровнях языковой системы.

Исследователи пространственной языковой картины мира считают, что, воспринимая окружающий мир, человеческое сознание стремится к сегментации пространства, позволяющей упорядочить знания о внеязыковой действительности, поэтому при категоризации пространства, не имеющего видимых начальных и конечных точек, важную роль играет понятие «пространственного предела». Лингвокультурологический анализ лексических единиц репрезентации «пространственного предела» в русском языке способствует выявлению национально-специфических особенностей языковой картины данного этнического сообщества.

В последнее время в отечественной и зарубежной когнитивной лингвистике достигнуты большие успехи в изучении вопросов, связанных с представлением языковых картин мира (Е. С. Яковлева, Г. Д. Гачев, А. Д. Шмелёв, И. Б. Левонтина, А. А. Зализняк и др.). Большие успехи достигнуты учеными, изучающими «пространство» (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Рахилина, М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимировский, Е. С. Кубрякова и др.). Этими учёными определены наиболее важные направления исследований пространства и сформулированы основные понятия. Несмотря на универсальность понятия «пространства», исследователи отмечают различие в способах его восприятия представителями разных этнических сообществ.

Являясь особым ментальным конструктом для восприятия окружающей действительности, «пространственный предел» представляет интерес для исследования, способствующего пониманию националь-

ной картины мира, а также выявлению универсального и специфического в восприятии и осмыслении пространственных объектов носителями описываемых языков. Тем не менее, вопрос о «пространственном пределе» относится к числу наименее изученных проблем когнитивной лингвистики.

Основные особенности употребления слов с семантикой «пространственного предела» в русском языке рассмотрены в работе Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» [14]. Рассматривая понятия «конца», «кончика», «кромки», «края», «краешка» в рамках пространственных конструкций, автор приходит к выводу, что в русской языковой картине мира не всякий предмет «имеет» границы. При употреблении перечисленных «пограничных» слов действуют топологические ограничения.

Согласно исследованиям автора, «краем» и «кромкой» называют маркированные границы поверхностей, несоприкасающихся с другой поверхностью. Кроме того, слово «край» следует употреблять для обозначения плоских необъёмных границ объекта фиксированной формы на обозримой поверхности. При этом плоским должна быть не только граница объекта, но и сам объект.

Наиболее универсальным «пограничным» словом является «конец». Однако употребление данного слова также имеет некоторые ограничения. Оно употребляется с названиями протяжённых, вытянутых объектов. При этом «конец» употребляется для обозначения границ только горизонтальных объектов. Для вертикальных объектов есть специальные слова, обозначающие их верхнюю границу – типа верхушка, макушка, но только для очень немногих. Таким образом, большинство объектов внешнего мира, которые не являются поверхностями или вытянутыми объектами,

остаются в русском языке «необслуженными» в отношении языковых границ, их никак лингвистически регулярным способом нельзя обозначить. Например, верхний конец фонаря или верхний край крыши, или границы шара и т. д.

Автор отмечает различие между геометрической и прагматической границей объекта, а также специфическое числовое поведение перечисленных названий границ в русском языке [14, с. 240–256].

Общетеоретическую ценность представляют исследования учёных, входящих в исследовательскую группу «Логический анализ языка», созданную под руководством Н. Д. Арутюновой. Особый интерес представляют издания «Логический анализ языка. Семантика начала и конца» [2] и «Логический анализ языка. Языки пространств» [3]. В этих изданиях рассматриваются предпосылки формирования, условия взаимодействия и дифференциации понятий «начала» и «конца», а также некоторые особенности понятий в традиционных культурах.

Во вступлении к изданию «Логический анализ языка. Семантика начала и конца» Н. Д. Арутюнова определяет условия формирования этих понятий. Ссылаясь на этимологический словарь русского языка М. Фасмера [23], автор выделяет общий для понятий «начало» и «конец» корень «ken», имеющий значение «предел» и «куна», обозначающий «угол, острие, край». Общность этимологии рассматриваемых понятий свидетельствует о первичности одного нерасчленимого понятия «начало-конец» или «концов» [4, с. 4]. Несмотря на то, что единое значение концов разделилось на два соотносительных понятия – «конец» и «начало», их явная концептуальная взаимосвязь позволяет осмысливать их в рамках единой семантической области. Лексема «конец», как и бессуффиксная «кон», в отношении протяженных пространственных предметов употребляется в значении «край, граница».

Главным условием дифференциации понятия «конец» является линия – простейшее в идеале одномерное геометрическое понятие – маркирует переход из мира природы к его геометризованной модели [4, с. 6]. Кроме того, Н. Д. Арутюнова отмечает, что предел в контексте времени и предел в

пространстве существенно различны. «Конец, или граница, пространственных объектов не имплицитно с необходимостью непосредственного перехода к другому объекту» [4, с. 5].

Различие понятий в темпоральном и пространственном аспекте усматривает и З. Д. Попова в статье «Концептуальная природа абстрактных понятий» [19]. По данным автора, «начало» и «конец» первоначально были указателями крайних точек протяжённого пространственного объекта. Несмотря на толкования понятий в Большом толковом словаре русского языка 1998 г., согласно которым «начало» и «конец» относятся как к пространственным, так и к временным аспектам, автор замечает, что в исследованном фразеологическом фонде русского языка употребление рассматриваемых понятий в темпоральном аспекте проявляется смутно.

Н. Б. Мечковская в статье «Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия и асимметричность» предполагает, что данные конструкты сознания выступали в индоевропейской древности в качестве первой системы координат, т. е. служили пространственными указателями. Согласно исследованиям автора между словами со значениями «начало» и «конец» наблюдается три линии взаимоотношений: 1) глубинное тождество, проявляющееся ярче всего в этимологии, энантиосемии, а также в совпадении рассматриваемых понятий в более общем концепте «конец»; 2) антонимия и симметрия, проявляющаяся в силе антонимического противопоставления концептов; 3) асимметричность, превалирующая над симметрией.

Автор отмечает, что субстантивы со значением «конец» более частотны, чем слова со значением «начало». Образование новых значений у слов со значением «конец» происходило главным образом на метонимической основе: конец как «предел, граница» и конец как «нечто ограниченное, полученное путем деления». В современном языке количество значений у слова «конец» сокращается, уменьшается асимметрия концептов «начало» и «конец», что связано с возрастанием значимости данной оппозиции в сфере времени, которое в современной обыденной жизни постоянно и все более точно измеряется [18, с. 117].

Проблема «пространственного предела» затрагивается в статье В. Г. Гака «Семантическое поле конца». В этой статье автор описывает план выражения и план содержания семантического поля «конец» в русском и французском языках. В описываемых языках понятие «конец» выражается лексическими, словообразовательными, фразеологическими и грамматическими средствами, к которым могут добавляться и интонационные. В изучении семантического поля Гак предлагает две процедуры: «выявление взаимодействия данного поля с соседними полями и определение внутренних оппозиций, образующих структуру данного поля. Оба этапа решаются путем сравнения элементов поля внутри данного языка и их сопоставление с аналогичными фактами других языков». В. Г. Гак определяет слово «конец» – как предел во временном аспекте, а «край» – в пространственном [11, с. 50–56].

В статье «Начало и конец в русской идиоматике» А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский рассматривают фразеологизмы с пространственным значением. Идиомы, содержащие понятия «начало» и «конец» в пространственном значении отражают способ мышления человека, его опыт освоения пространства, а также отношение к реально существующей действительности. Авторами предлагаются три направления исследования различных способов языковой конкретизации этих абстрактных понятий: 1) изучение типов метафорических моделей; 2) исследование того, как концепты «начало» и «конец» используются в структуре идиом для вторичной номинации; 3) «понятийная синтагматика» – выявление семы актуального значения, с которыми сочетаются идеи конца и начала.

В статье рассмотрены все идиомы современного русского языка, в которых значения «начало» и «конец» являются ключевыми. Анализ показывает, что в метафоризации «начала» и «конца» существует ряд общих метафорических моделей. Особое место занимает идея пространства, а также связанная с ней идея движения. Идея движения, связанная с преодолением пространства, является мотивирующим признаком для определения «пространственного предела». Остальные выявленные метафорические модели относятся, скорее, к временным понятиям.

По результатам анализа русских идиом, выполненным авторами, приведем примеры со словом «конец» в пространственной интерпретации: «не найти концов», «прятать концы в воду», «конца не видно», «нет конца-краю», «нет ни конца, ни края», «без конца и края», «во все концы света», «из конца в конец», «прятать концы в воду». Некоторые идиомы основаны на переосмыслении «конца» как объекта (или его части), расположенного в пространстве, в значении «следов некоторой деятельности»: «не найти концов»; «прятать концы в воду». В идиомах «концы с концами не сходятся», «еле сводить концы с концами» «концы» воспринимаются как края какого-то объекта, которые должны совпадать. В идиомах «конца не видно»; «нет конца-краю»; «нет ни конца, ни края»; «без конца и края»; «во все концы света»; «из конца в конец», «конец» – это не часть объекта, а часть пространства. В данном случае именно пространственное значение слова «конец» (как граница) и сохраняется в актуальном значении идиомы. Таким образом, метафорическая интерпретация здесь отсутствует [7, с. 34]. Интерес с точки зрения аксиологии представляет третье направление, которое, к сожалению, не рассматривается авторами статьи. Однако такие сведения, связанные именно с выявлением сем актуального значения имеются в вышеупомянутой статье З. Д. Поповой. Как отмечает автор, «в пословицах начало и конец определяются главным образом по отношению к целенаправленным действиям, долженствующим дать некоторый полезный результат». Идея конца часто сочетается со смыслом «результат». В то время как употребление «начала» без «конца» оценивается отрицательно [19, с. 135].

Для обозначения разного рода пространственных пределов Л. Б. Лебедева предлагает рассматривать не слово «конец», а «граница, грань, предел, черта». Именно такие «изначально пространственные слова применимы во всех случаях, когда предмет получает пространственную интерпретацию...» [17, с. 93]. Рассматривая данные слова в статье «Семантика ограничивающих слов» [17, с. 93–97], автор наделяет их не только семантикой ограничения, но и разграничения. Другими словами, эти понятия не абсолютны, они предполагают существование какого-то пространства и

по другую сторону и возможность выхода в это пространство. Рассматривая различия между формами единственного и множественного числа, Л. Б. Лебедева выявляет тенденцию к лексикализации формы множественного числа. К примеру, «предел» имплицитно подразумевает досягаемость границы объекта в каком-то одном направлении, а «пределы» предполагают досягаемость во всех направлениях; «границы» предполагают не множество границ, а замкнутую линию, для идеального пространства границы – это окружность, «граница» же – это отрезок линии, чаще всего он осмысливается как отрезок прямой. Автор полагает, что такая тенденция является особенностью «ограничивающих» слов с их тесно связанными между собой импликациями отдаления и выделения. Человек не может мысленно представить бесконечность, поэтому в обыденном восприятии пространства важно существование границ. По мнению Л. Б. Лебедевой, в отношениях с пространством человеку требуется как минимум две психологические опоры: субъект познания – «Я» и противостоящая субъекту граница. Из приведенных «ограничивающих» слов «граница» определяется автором как универсальное понятие [17, с. 93–96].

В свою очередь, лексические репрезентации концепта «граница» рассмотрены в работе Т. М. Ворониной «Образная схема граница и ее лексические репрезентации в русском языке: модификация пространства» [9, с. 54–59]. В статье выявлены основные когнитивные признаки слов с семантикой «пространственного предела». Основными лексическими репрезентациями данного концепта являются имена существительные в составе синонимических рядов:

1) граница, грань, линия, межа, рубеж, черта – «разграничительная линия между земельными участками»;

2) граница, предел, рубеж — «разграничительная черта, разделяющая земли, государства, пространство»; «линия, разделяющая территории соседних государств; черта раздела смежных пространств, поверхностей или отграничения их от чего-л. другого» [18, с. 109]. Выделение синонимических рядов и формулировка семантической идеи каждого из них в словарях различны,

однако безусловным является выделение, в первую очередь, собственно пространственного значения их сем «линия, разделять, территория, соседние объекты».

Автором выявлены следующие смысловые составляющие анализируемых существительных: линейное расположение и незначительная ширина, разделение двух объектов, отдаление (не только разделение), указание на предел, конечную часть пространства [9, с. 56].

Языковые средства выражения семантики предела в бурятском языке подробно описаны Е. А. Бардамовой. Анализируя языковой материал репрезентации пространственных идей «начала» и «конца» в бурятском языке, автор приходит к выводу о том, что семантика «конца» гораздо более продуктивна, чем «начала». Ментальная сущность данных понятий определила специфику его метафорических моделей представления. Идея конца актуализирует значение предела, намного отдаленного от участников коммуникации или прилегающего к этому месту пространства, выражается при помощи продуктивных метафорических моделей результата, тупика, вершины или бездны, предела, зооморфизмов [6, с. 127].

Рассмотренные работы, связанные в той или иной степени с проблемой пространственного предела предоставляют общетеоретическую основу для исследования данного концепта.

Учитывая результаты анализируемых работ, можно утверждать, что в русской языковой картине мира «предел» представлен не отдельной лексемой, а лексическим тезаурусом. Главным свойством «предела» является способность ограничивать непрерывное пространство. В представлении о пределе важность имеют понятия «начала» и «конца» – как предельных точек пространства, а также понятие «границы». Важным критерием для определения «пространственного предела» является позиция говорящего.

В представлении о «пространственном пределе» важное место занимает идея антропоцентричности. К примеру, *human body part model* – модель, согласно которой ориентирование объекта в пространстве, определения его конечности строится аналогично соотношению частей человеческо-

го тела. В соответствии с этой моделью в определении «предела» употребляется зооморфная модель, в которой предел объекта определяется относительно туловищу животного.

В современном языкознании некоторые лингвисты склонны определять концепт «конец» как временным, так и пространственным. Однако слово «конец» очень часто используется именно для обозначения пространственного предела. Несмотря на то, что «конец» сочетается только с названиями протяжённых, вытянутых невертикальных объектов, это слово является уни-

версальным для обозначения границ пространства: ни «край», ни «кромка» не могут обозначать такого рода границу.

Отметим, что когнитивная лингвистика является относительно новой отраслью языкознания. Несмотря на то, что предмет исследования науки – способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка был намечен в XIX в., в России лингвокогнитивные проблемы, в том числе проблемы объективации пространства, стали рассматриваться в конце XX в. Возможно, именно этим объясняется отсутствие фундаментальных исследований по описанию «пространственного предела».

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
2. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3–18.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Бардамова Е. А. Пространство в языковой картине мира бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 200 с.
5. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. «Начало» и «конец» в русской идиоматике // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 27–36.
6. Борисова С. А. Пространство – Человек – Текст. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2003. 327 с.
7. Воронина Т. М. Образная схема «граница» и ее лексические репрезентации в русском языке: модификации пространства // Вест. Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филологические науки (филология и лингвистика). 2012. Вып.8. С. 54–59.
8. Всеволодова М. В., Владимировский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в русском языке. М.: Русский язык, 1982. 262 с.
9. Гак В. Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 50–55.
10. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 429 с.
11. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2005. 544 с.
12. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–37.
13. Кубрякова Е. С. О понятиях места, времени и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.
14. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 56, № 3. М., 1997. С. 22–31.
15. Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 93–97.
16. Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик. 2002. 648 с.
17. Логический анализ языка. Языки пространств / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры. 2000. 448 с.
18. Мечковская Н. Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 109–120.
19. Попова З. Д. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вест. ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. Вып. 1. С. 132–141.
20. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
21. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, Т. 2, 1967. 671 с.

References

1. Апресян Ю. Д. Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 912 s.
2. Arutjunova N. D. V celom o celom. Vremja i prostranstvo v konceptualizacii dejstvitel'nosti // Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca / sost. i отв. red. N. D. Arutjunova. M.: Indrik, 2002. S. 3–18.

3. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jazyki russoj kul'tury, 1999. 896 s.
4. Bardamova E. A. Prostranstvo v jazykovoj kartine mira burjat. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2011. 200 s.
5. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. «Nachalo» i «konec» v russoj idiomatike // Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Indrik, 2002. S. 27–36.
6. Borisova S. A. Prostranstvo – Chelovek – Tekst. Ul'janovsk: Izd-vo Ul'janovskogo gos. un-ta, 2003. 327 s.
7. Voronina T. M. Obraznaja shema «granica» i ee leksicheskie reprezentacii v russkom jazyke: modifikacii prostranstva // Vest. Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologičeskie nauki (filologija i lingvistika). 2012. Vyp.8. S. 54–59.
8. Vsevolodova M. V., Vladimirskij E. Ju. Sposoby vyrazhenija prostranstvennyh otnoshenij v russkom jazyke. M.: Russkij jazyk, 1982. 262 s.
9. Gak V. G. Semanticheskoe pole konca // Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Indrik, 2002. S. 50–55.
10. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira: kurs lekcij. M.: Akademija, 1998. 429 s.
11. Zaliznjak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Ključevye idei russoj jazykovoj kartiny mira. M.: Jazyki slavjanskij kul'tur, 2005. 544 s.
12. Kubrjakova E. S. Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma. Lingvistka – psihologija – kognitivnaja nauka // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 4. S. 34–37.
13. Kubrjakova E. S. O ponjatijah mesta, vremeni i prostranstva // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Jazyki russoj kul'tury, 2000. S. 84–92.
14. Kubrjakova E. S. Jazyk prostranstva i prostranstvo jazyka (k postanovke problemy) // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. T. 56, № 3. M., 1997. S. 22–31.
15. Lebedeva L. B. Semantika «ogranichivajushhij» slov // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Jazyki russoj kul'tury, 2000. S. 93–97.
16. Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Indrik, 2002. 648 s.
17. Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Jazyki russoj kul'tury. 2000. 448 s.
18. Mechkovskaja N. B. Koncepty «nachalo» i «konec»: tozhdestvo, antonimija, asimmetričnost' // Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca / sost. i otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Indrik, 2002. S.109–120.
19. Popova Z. D. Konceptual'naja priroda abstraktnyh ponjatij // Vest. VGU. Ser. Gumanitarnye nauki. 2003. Vyp. 1. S.132–141.
20. Rahilina E. V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: ot sochetaemosti k semantike. M.: Russkie slovari, 2008. 416 s.
21. Jakovleva E. S. Fragmenty russoj jazykovoj kartiny mira (Modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija). M.: Gnozis, 1994. 344 s.
22. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russskogo jazyka. M.: Progress, T. 2, 1967. 671 s.

Статья поступила в редакцию 16.02.2014